

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-22, version 1.0
UUID: 9e1d01c7-7fb4-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Отмена телесных наказаний
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0014
IV.....	.0019

**Константин Михайлович
Станюкович
ОТМЕНА ТЕЛЕСНЫХ
НАКАЗАНИЙ**

То было на рейде Гонконга.

В жаркое солнечное воскресенье, перед обедней, команда корвета была выстроена во фронт. Капитан корвета в мундире и орденах, веселый и довольный, подошел к фронту и, поздоровавшись с матросами, торжественно-радостным голосом поздравил их с царской милостью – с отменой телесных наказаний. И вслед за тем он прочитал среди глубокой тишины только что полученный из России приказ.

Матросы прослушали чтение в напряженном внимании.

– Надеюсь, ребята, вы оправдаете доверие государя императора и будете такими же молодцами, как и были! – проговорил, окончив чтение, командир, который еще до официального уничтожения телесных наказаний запретил их у себя на корвете.

– Рады стараться, вашескобродие! – дружно гаркнули в ответ матросы, как один человек.

Команда спустилась вниз к обедне. После обедни был благодарственный молебен.

Несколько дней среди матросов шли оживленные толки. Нечего и говорить, что темой бесед был прочитанный капитаном приказ. Некоторые старики матросы относились к нему с недоверием. В самом деле, что-то уж очень диковинно было. Вдруг нельзя пороть!

– Ты, Василей, понял, что вчерась читали? – спрашивал на другой день после обеда старый баковый матрос Григорий Шип своего приятеля Василя Архипова.

– Не очень, чтобы понял... Быдто и невдомек... Болтают что-то пустое ребята.

– Spина-то матросская ноне застрахована, вот оно что, братец ты мой!

– Врешь! – отвечал Архипов и хотел было лечь отдохнуть.

– То-то не вру... Уши-то у меня есть. Небось слышал, как капитан бумагу читал, что из Ра-сеи запрет на линьки вышел... Шабаш, мол, брат. Стоп-машина!

– Пустое! – опять возразил Архипов, старый пьяница матрос, прослуживший во флоте около двадцати лет и не допускавший даже мысли, что можно обойтись без линьков.

– Экий ты Фома неверный... Ну у господ

спроси...

Архипов скептически улыбнулся и только рукой махнул.

Однако немного погодя подошел к проходившему молодому мичману и спросил:

– Правда, ваше благородие, что Гришка мелет, быдто нонече нельзя пороть?

Молодой офицер стал добросовестно объяснять приказ, и старый матрос слушал его в безмолвном изумлении, видимо пораженный и сбитый с толку, но когда мичман дошел до штрафных, для которых телесное наказание отменено не было, – красное загорелое лицо Архипова снова приняло свое обычное выражение какого-то простодушного скептицизма не без оттенка лукавства.

Он поблагодарил офицера и на вопрос того: «Понял ли?» – отвечал: «Вполне отлично понял, ваше благородие», – и, когда офицер отошел, заметил товарищу с тонкой усмешкой:

– Не верь ты эфтому ничему, Гришка...
Право, не верь...

– Тебе, что ли, дураку, верить? – осердился Шип.

– Дурак-то выходишь ты, а не я...

– Это как же?

– А так же! Пуцай бумага вышла, а будет нужно выдрать, выдерут! – тоном глубокого убеждения говорил Архипов. – Теперче ты марса-фала вовремя не отдал или, примерно, сгрубил... Ну как тебя не выдрать как Сидорову козу? Или опять же, рассуди сам, умная голова, что с тобой делать, ежели ты пьян напился и пропил казенную вещь? Ведь не в Сибирь же... Разденут, да и всыпят...

– Врешь... В «темную» посадят.

– Какие еще выдумал «темные»? – насмешливо кинул Архипов.

– Карцерь, значит, такой будет...

– Карцерь?! – переспросил Архипов.

– Да, брат... Вчерась старший офицер наказывал его ладить. И сказывал Плентий плотник: «Будет этто каморка в трюме темная и узенькая; не повернуться, говорит, в ей». Ты пьян напился или в другом проштрафился – и сиди там один на хлебе и воде... Это заместо порки...

– Заместо порки?

– Да.

С усмешкой поглядел Архипов на товарища и с победоносным видом сказал:

– А ежели двадцать матросов наказать надо? Тогда как с карцырем?

Шип задумался.

«В самом деле, как тогда?»

– Говорю тебе, Гришка, не верь... Бумага бумагой, а выпороть надо – выпорют... Переведут в штрафные и исполосуют спину... Тогда ведь можно?..

– Штрафных можно...

– То-то оно и есть. А то еще карцыри выдумал. Нешто ребенки мы, што ли?.. Без линька, братец, никак невозможно.

– А у нас на «конверте»... Небось капитан не приказал.

– Не приказал! До первого случая...

– Ну, это ты, Василий, врешь... У нас никого еще не пороли, а уж плаваем мы год...

– Командир такой... чудной... Этакого я, признаться, отродясь не видывал... А другие... сам знаешь... Без эстого во флоте нельзя! Однако давай, братец, отдыхать!.. Что зря болтать... Нам все равно недолго околачиваться... Вернемся в Расею, в чистую уйдем!.. – прого-

ворил Архипов, видимо не желая продолжать
пустяковый, по его мнению, разговор.

И оба они растянулись у орудия.

У шкафута собралась кучка молодых матросов «первогодков». Один из них, Макар Погорелов, бойкий малорослый блондин, смысленный, с живым лицом, тихим возбужденным голосом рассказывал:

– И станут теперь, братцы, на цепь сажать... в самый трюм, значит, в темную... И приказ такой вышел: звать, мол, ее, темную-то, «Камчаткой»... [1] И скуют это цепями ноги и руки, и сиди... не повернись... Там, братцы, ходу нет – тесно. А окромя сухаря и воды, ничего есть не дадут!.. А уж зато линьком ни боже ни! Никто не смеет!

– И боцман не смеет? – спросил кто-то с сомнением в голосе.

– Сказывают тебе, не смеет! – решительно отвечал Макар.

– А как смеет?

– Никак нельзя – потому бумага.

– А ежели хватит?

– Небось побоится...

Боцман Никитич услышал эти разговоры и пришел в негодование. Он подошел к разгова-

ривающим и грозно сказал:

– Вы что разорались, черти? Ай дудки не слышали: «отдыхать»! Ну и дрыхни или молчи!

– Да никто не спит, Афанасий Микитич! – осторожно заметил бойкий матросик.

– Ты меня учить станешь, што ли? Ты у меня смотри... Этого нюхал?..

И с этими словами боцман достал из кармана линек и поднес его к лицу молодого матроса.

И Макар и остальные ребята струсили.

– Мы, Афанасий Микитич, ничего!.. – проворкотал Макар.

– То-то ничего... Ты не галди! Беспорядку делать не годится! – с меньшею суровостью замечает боцман, довольный испугом матросов.

– Не годится, Афанасий Микитич, не годится! – поддакивают молодые матросы.

Боцман ушел.

Матросы некоторое время молчали.

Наконец кто-то сказал:

– Вот-те и не смеет!

– Издохнуть – не смеет!.. Это он для стра-

ху! – заговорил Макар.

– Для стра-а-а-ху? Он и взаправду огреет!

– Не может! Завтра, сказывали ребята, приказ от капитана выйдет, чтобы все линьки, сколько ни на есть, за борт покидать! Чтоб и духу его не было...

– А насчет того, чтобы драться, как будет, братцы? – спросил один из ребят. – Боцмана и унтера шибко лезут в морду. Как по бумаге выходит, Макарка?

Макар немного подумал и отвечал:

– Нет, братцы, и в морду нельзя... Потому телесное... Слыхал я вчера, дохтур в кают-компании говорил: «Тронуть, мол, пальцем никто не может».

– Ну?

– Ныне, говорит, все по закону будет, по правде и совести...

– Ишь ты...

– Как волю крестьянам царь дал, так и все прочее должно быть... чтобы честно!.. – восторженно продолжал матрос. – У нас на «конверте», сами, братцы, знаете, какой командир... добрый да правильный... И везде такие пойдут. Все по-новому будет... Российским

людям жить станет легче... Это я вам верно говорю, братцы... А что Микитич куражится, так это он так... Бумага-то ему поперек горла. Да ничего не поделаешь!.. Шалишь, брат... Руки короткие!

На баке ораторствовал Жаворонков, матрос лет тридцати пяти, из учебного экипажа, бывший кантонист [2], шустрый, ловкий, наглый, не особенно нравственный продукт казарменного воспитания. Готовился он в писаря – это звание было предметом его горячих желаний, – но за пьянство и вообще за дурное поведение Жаворонков в писаря не попал и служил матросом, считая себя несколько выше матросской среды и гордясь своим образованием в школе кантонистов. Матрос он был неважный: лодырь порядочный и к тому же не из смелых, что не мешало ему, разумеется, быть большим хвастуном и бахвалом.

– Теперь всем даны права! – говорил он, ухарски подбоченясь и, видимо, чувствуя себя вполне довольным в роли оратора, которого слушала изрядная кучка матросов. – И на все положенье – закон! Поняли?

– На все?

– Беспременно на все, по статутам...

На многих лицах недоумение.

– Это какие ж статуты?

– Законы, значит... Ты ежели свиноватил – судиться будешь... Пьян напился – судись... Промотал казенную вещь – судись... Своровал – опять же судись... А присудился, тебя в штрафованные, а уж тогда, в случае чего, можно и без суда выдрать...

– А как судить будут?

– По всей форме и строгости законов... Вроде как у англичан судят... Вы вот спросите у Артюшки, как его третьего дня у англичан судили... Небось как следует, при всем парате... Так, что ли, Артюшка?

Неказистый на вид матрос усмехнулся и проговорил:

– Чудно было...

– Чудно! – передразнил Жаворонков. – А по-моему, очень даже правильно... Да ты расскажи...

– Да что рассказывать?.. Поставили это меня в загородку. Ихнее писание целовать велели. Опосля гличанин, которого я, значит, в пьяном виде, ударил, стал на меня доказывать. Все слушали. Судья ихний, в вольной одеже, посреди сидел... повыше этак, и тоже слушал. Как гличанин кончил, мне велели на

него доказывать. Опять слушали, как наш офицер на ихнем языке мой доказ говорил... Ну и взяли штраф... за бой, значит.

Этого Артюшку притянули к суду за оскорбление полисмена в Гонконге. Он был на берегу и в пьяном виде буянил. Когда полисмен что-то сказал ему, матрос ударил его. Англичане, бывшие свидетелями этого пассажа, только ахнули от удивления.

– Ловко попал! – заметил один рыжий джентльмен. – Прямо под глаз!

Полисмен побагровел от злости и свистнул. Пришло еще трое полисменов и матроса отвели в Police station. [3]

Об этом тотчас же дали знать на корвет и просили прислать переводчика к мировому судье, у которого на следующий же день назначено было разбирательство дела.

Переводчиком был один из корветских офицеров.

Начал свою жалобу полисмен. Обстоятельно объяснил он, как встретил пьяного русско-го матроса, который грозил кулаком на проходящих, и как вообще непристойно вел себя...

– Но вообразите мое удивление, господин судья, – прибавил полисмен, – когда на мое замечание русский матрос ударил меня.

Довольно долго говорил полисмен и изрядно-таки позорил русского матроса за проступок, недостойный «честного гражданина», и в конце концов требовал вознаграждения за обиду.

Обратились к нашему матросу. Он поднялся с места и стоял в довольно-таки непривлекательном виде: грязный и оборванный после вчерашнего пьянства. Стоял и молчал.

– Рассказывай, Никитин, как было дело! – обратился к нему наш офицер.

– Да что говорить, ваше благородие?

– Говори что-нибудь!

– Шел этто я, ваше благородие, по Гонконту из кабака... Признаться, хмелен был... Подвернулся мне под руку вот этот самый гличанин (и матрос указал грязным корявым пальцем на сидевшего напротив чистоплотного полисмена)... я и полез драться...

Весь этот короткий спич матрос произнес самым добродушным тоном.

Офицер объяснил судье, что матрос созна-

ет свою вину, и дело кончилось тем, что за него заплатили штраф.

Об этом судьбище и рассказывал Артюшка.

– Вот оно как судят! – проговорил Жаворонков. – Так и у нас будут... по всей форме и строгости... Права даны! Теперича ежели боцман в ухо, и я его в ухо!

– Попробуй-ка!

– А думаешь, не попробую!.. – хвастал Жаворонков. – Нонче закон-положенье... Стату-ты!

– И здоров тоже ты врать, как я погляжу, братец, – заметил, отходя, какой-то старый матрос.

IV

Боцмана, писаря, баталер, фельдшер и унтер-офицеры собрались в палубе и тоже рассуждали об отмене телесных наказаний.

Особенно горячился боцман Никитич, невоздержанный и на руку и на язык.

– Справься теперь с ними... Что ты ему сделаешь? Выходит, ничего ты ему сделать не можешь... Линек бросить, сказано!

– Сказано? – переспросил другой боцман, Алексеев.

– То-то и есть!

– А как насчет, значит, науки?.. Ежели смазать? – задал вопрос один унтер-офицер.

– Тоже не велено... Вчера старший офицер призвал и говорит: «Всем унтерам накажи, чтобы в рожи больше не лезли... А то, говорит, смотри!..»

– Однако и порядки пошли! – протянул Алексеев.

– Удивительное дело! – вставил баталер.

– Про то я и говорю! – горячился Никитич. – Справься теперь с ними. Не станешь изо всякого пустяка с лепортом... А ведь с нас

же потребуют... Зачем зверствовать?.. Дал в зубы раз-другой и довольно... И матросу стерпится... И понимает он, что ты боцман...

– Известно, надо, чтобы понимал... Без этого к чему и боцмана! – подтвердил другой боцман.

– Опять-таки позвольте, господа, сказать, – вмешался писарь.

– Насчет чего?

– Насчет того, что нынче другая на все мода... Чтобы все по благородству чувств... Посудите сами: ведь и матрос свою физиономию имеет... Зачем же бесчестить ее?.. Виноват, ударьте его по спине, положим... Все же спина, а не физиономия...

– Нешто почувствует он по спине?.. Он, кроме носа, никакого чувства не имеет...

– Ударьте так, чтобы почувствовал...

– Что уж тут говорить!.. Никакого толку не будет!

– Уж и зазнались, дьяволы! – говорил боцман Алексеев. – Утром сегодня на вахте... Кирька брамсельный ушел вниз и сгинул, шельма... А уж вахтенный горло дерет: зовет подлеца. Прибежал. «Где, говорю, был?» – «В

палубе, говорит, был!» – да и смотрит себе, быдто и офицер какой. Я его линьком хотел огреть, а он, как бы ты думал? «Не замайте, говорит... Нонче не те права!»

– Я б ему показал правов! Искровянил бы ему хайло... – гневно заметил Никитич.

Долго еще беседовали унтера. Однако в конце концов решили на совещании, что хоть бумага там и вышла, а все же следует «учить» по-прежнему... Только, разумеется, с опаской и с рассудком.

1

Так прозвали на корвете матросы арест.
(Прим. автора.)

[^^^]

Кантонист – так в крепостной России называли солдатских и матросских детей, с самого рождения прикрепленных к военному ведомству и воспитывавшихся в особой школе; по ее окончании их обычно на 20 лет зачисляли на военную службу.

[^^^]

Полицейский участок (*англ.*)

[^^^]